

18+

Джейн Гук

Живые и мертвые

сборник рассказов

Джейн Гук

**Живые и мертвые.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Гук Д.

Живые и мертвые. Сборник рассказов / Д. Гук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512400-5

В рассказе «Живые и мертвые» рисуется постапокалиптическое будущее глазами живого существа, утратившего свое человеческое обличие. Автор предлагает свой взгляд на монстров, страдающих от бездуховности человека. Сюжетом к другим историям издания послужили мистические сны автора, записанные в короткие рассказы.

ISBN 978-5-00-512400-5

© Гук Д.
© Издательские решения

Содержание

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ	6
Пластиковые человечки	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Живые и мертвые

Сборник рассказов

Джейн Гук

© Джейн Гук, 2020

ISBN 978-5-0051-2400-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Я точно помню, что умер. У меня был сильный жар, а потом приступ кашля. Сердце остановилось. Я помню последнюю мысль перед смертью: «Неужели вот так я умру!»

А может, я просто потерял сознание? Странно, но в ту секунду я точно знал, что умираю. Интуиция доложила мне об этом. Неужели я обманулся?!

В голове был туман. Выпитый виски накануне сжимал голову, как в тисках, а в затылке ломило. Настойчивая боль отдавала в лобную часть. Горло сдавливало от удушья. По телу растекалась ломота, создавая ощущение, будто я раскалывался на части. В добавок ко всему меня здорово потряхивало от лихорадки.

Еле «доползя» до кухни, я протянул руку к чайнику – холодный. Нажал на кнопку и, оперевшись о стул, принялся ждать, когда аппарат закипит. Меж тем, пытаясь хоть на каплю отвлечься от своего болезненного состояния, я принялся изучать мир из окна. Чтобы навести в глазах резкость, я поморгал и тут же взвыл – резкой болью ответили мешки под глазами, и я перестал испытывать себя на прочность. Более того резь мешала смотреть на свет.

Щурясь, я в очередной попытке выглянул в окно. Это было раннее утро.

На улице не было ни одного живого существа. Чайник забурлил и отключился. Я потянулся за кружкой. Надо сказать, что только с третьей попытки мне удалось наполнить чашку кипятком, не выронив ее из рук. Свой любимый кофе я так заварить себе и не смог, а лишь ограничился горячей водой.

Сделав глоток, я не ощутил ни температуры, ни вкуса воды. Это показалось мне довольно странным...

Через несколько часов лежки в кровати, я немного согрелся и тогда мыслительные процессы вновь вернулись ко мне. В тот момент я пытался размышлять, что же все-таки со мной происходило. Если озноб появился в следствии высокой температуры, то значит мне требовалось лекарство.

Я вышел в аптеку, в чем был: халат и сланцы. Пока ковылял до нее, на улице я не заметил ни одного человека. Аптека была открыта, но фармацевта за прилавком я не увидел. Едва я открыл рот, чтобы позвать кого-то, как наружу вырвался только хриплый стон, и я умолк.

Выйдя из аптеки, я решил податься в магазин. Каждое движение давалось с трудом: я еле волочил ноги, громко шаркая по асфальту. Супермаркет оказался закрыт, что само по себе было невозможным, ведь часы работы его начинались с 7 утра, а мои часы показывали 9. Где же были все люди?!

Соображать о чем-либо конкретном у меня не особо получалось в силу слабости. Поэтому, вернувшись домой, я упал на кровать и провалялся в забытьи бог знает, сколько времени.

Меня разбудил холод... а еще страшно хотелось есть. Все, что было в холодильнике меня не привлекало. Овощи, грибы и кефир не вызвали аппетит – мне жаждалось чего-то другого, но чего я понять не мог.

Теперешнее состояние было не лучше прежнего, меня снова начало потряхивать от лихорадки, хотя на улице стояла июньская жара.

Я оделся, взял пальто и решил попытать удачу в поисках съестного в мини магазине неподалеку. Проходя мимо зеркала в прихожей, боковым зрением я уловил странное отражение, которое я поначалу не узнал. Задержавшись перед трельяжем, я остолбенел. О, Боже! На меня смотрело нечто, лишь отдаленно напоминавшее мой прежний облик. Неужели я так выглядел в реальности?!

Серый цвет лица с ввалившимися глазами, которые утратили свой синий цвет, явно сигнализировали о каком-то очень серьезном заболевании. Моя радужка сменилась на блекло

желтую, а под глазами красовались темные зеленоватые мешки. Нос заострился, губы истончились, а скулы стали выпирать, благодаря сильно впавшим щекам. Мои некогда густые черные волосы стали тусклыми и заметно поредели. Словом, походил я на мертвеца. Так умер я или нет?!

Не могу сказать, что такая постановка вопроса меня испугала, скорее я просто размышлял. Если я умер, то мой внешний вид и отсутствие людей объяснялось просто – я находился в потустороннем мире. Но если я был жив, то здесь появлялась масса вопросов, которые не имели ответов. В любом случае, паниковать было бессмысленно, в чем я особо и не преуспел, как если бы мой организм был напигован транквилизаторами.

Еле спустившись по ступенькам на улицу, я потратил немало сил, чтобы добраться до местной поликлиники. За все время своего пути я не встретил ни одного человека, ни даже птицы или крысы.

В поликлинике, как и снаружи, повсюду царила тишина. Никого не было ни в регистратуре, ни на посту охраны. Я пошаркал в соседний блок стационарного лечения.

В палатах лежали больные и все они были мертвы. Их внешний вид чем-то напоминал мой: серый цвет лица, ввалившиеся глаза, заостренный нос.

Я в растерянности постоял с минуту рядом с одним из таких пациентов. Как ни странно, но, наблюдая эту картину, я не испытал ни отвращения, ни страха, ни жалости, словом, ничего, кроме холода. Прогуливаясь по коридорам медицинского заведения, я узрел вывеску: «лаборатория». Войдя внутрь, я по какому-то неведомому зову сердца направился к холодильнику. Что-то подсказало мне, а возможно я просто почуял, что то, что мне требовалось, находилось внутри аппарата. И да, я угадал: на полках стояли колбочки с каким-то веществом. Я поднес их к носу и вдохнул. Запах был невероятно аппетитным, и я сразу же опустошил сосуды. Почувствовав насыщение, озноб улетучился, у меня вдруг прошла головная боль, удушье отступило, и я ощутил необычайный прилив сил. Тело, будто обновилось, в ногах появилась легкость и мои движения стали намного быстрее. Я захватил с собою все, что находилось в холодильнике и решил обследовать оставшуюся часть здания.

Спустившись в подвал, я очутился в морге.

Вдруг неожиданно до меня донесся стон. Я поспешил во весь дух на звуки. Среди покойников один оказался живым. Он лежал на тележке и вздыхал. Мне показалось, что он не мог подняться, и я решил помочь. Я потянул его за руку, но его конечность осталась у меня в руках, а тот все так же без каких-либо выражений боли или сожаления на лице, пытался подняться корпусом. Оказалось, что он был пристегнут ремнями к тележке. Я долго боролся со сложными застежками, а потом приподнял его и, толкая в спину, заставил его сесть. Дальше он справился сам.

Мой новый друг оказался здоровенным мужчиной метра 2 ростом и очень широким в плечах. Правда, теперь он был одноруким, но это его, казалось, сильно не расстраивало. Он внимательно посмотрел на меня, затем, не произнося ни слова, пошел вперед, а я подался за ним следом. Он еле брел, постоянно останавливаясь и к чему-то прислушиваясь.

И вдруг он ускорился в сторону автомобиля, брошенного на обочине, неподалеку от поликлиники. Внутри оказалась клетка с щебечущей птичкой. Мой друг разломал прутья железной тюрьмы и, раздавив в руке бедное создание, запихнул ее вместе с перьями себе в рот.

Я удивленно наблюдал за его действиями. После такого завтрака, мой друг, словно похорошел. Его глаза стали ярко желтыми и сил у него прибавилось. Он больше не шел, сгорбившись, и даже произнес фразу:

– В следующий раз завтракаешь ты.

Меня это изумило, ведь я до сих пор так и не смог ничего произнести вслух. Этот тип был намного сильнее меня, и, как мне показалось, не лишен благородства, поэтому я решил держаться рядом.

Мы долго брели по автомобильной трассе, встречая брошенные машины на обочине.

Мне хотелось узнать о судьбе моего нового приятеля, но я не мог ничего произнести, словно у меня отсутствовал язык. Мой друг тоже молчал.

Вскоре озноб начал возвращаться ко мне и с новой силой причинял муки. Моего друга стало тоже заметно потряхивать. Видимо, и ему было холодно.

Так мы дошли до села.

Еще на тропинке, ведущей к населенному пункту, мой товарищ ускорил шаг, а его глаза заблестели, словно он предвкушал что-то грандиозное. По мере приближения я уловил невероятно аппетитный запах, исходящий отовсюду.

Природу запаха я понять был еще не в силах и пока я принюхивался и размышлял, мой друг ворвался в близлежащий дом. Я кинулся следом и стал очевидцем удручающей картины: прямо посреди гостиной на разложенном диване лежал больной человек. Его состояние полностью совпадало с внешним видом, а потому его плохое самочувствие не вызывало никаких сомнений. Почуввав неладное, мужчина хотел было завопить от ужаса, увидев на пороге своего дома здоровенное чудовище и меня, похожего на призрак, но зашелся сильным кашлем. Между тем запах, разлившийся по комнате, настолько опьянил меня, что на какой-то момент я перестал слышать вопли несчастного вперемешку с удушающим кашлем. В ту секунду все, чего я жаждал – это наброситься на бедолагу и вгрызться в его плоть! От такой мысли у меня закружилась голова.

Очнулся я, стоя на коленях, и с открытой пастью над его шеей. Какая-то сила внутри меня не позволила мне совершить насилие над этим человеком, и я застыл в раздумии, что к чему, проворачивая со скрипом мои почти умершие шестеренки в голове.

Вот тогда то я и понял, что не смогу получить удовольствие от подобной охоты. И хотя передо мной лежало немощное существо, уже обреченное на смерть, минуты жизни которого были сочтены, вопреки всем доводам в пользу того, чтобы утолить терзающий меня голод, я не смог совершить убийство.

Мой друг тоже медлил. Он приблизился к несчастному, вглядываясь ему в глаза и дыша над больным, капая своей слюной, словно над аппетитным куском мяса, но никаких действий не предпринимал.

Пока я наблюдал за этой картиной, во мне боролись страшная жажда хотя бы кусочка этой плоти с оставшимся пережитком человеческой морали.

Мой друг, видимо, тоже был из высокоморальных. Он постоял над этим до смерти испугавшимся больным человеком и отошел в сторону, отвернувшись, но все еще облизываясь. Взглянув на меня своими яркими желтыми глазами, он, будто застыдил своего постыдного намерения и бросился по лестнице вниз. Я направился следом, но поспеть за ним не смог. Я упустил его.

Побродив немного вокруг этого дома, я заметил еще одну деревянную постройку, из которой пахло не менее аппетитно. Аромат пьянил и манил меня.

Войдя внутрь, я наткнулся на своего друга. Его было легко узнать по крупной комплекции и ярким желтым глазам, которые так и сверкали в темноте. А еще, почему-то у него сохранилась пышная густая шевелюра на голове в отличие от моих некогда привлекательных волос.

Своего друга я застал за поеданием крупного животного, кажется – лошадь. В темноте трудно было разобрать. Друг вгрызался в ее плоть и с вождением жевал сырое, но далеко уже не свежее мясо, потому что по моему острому чутью, развившегося так внезапно, животное было давно мертво.

Трудно объяснить, что мною тогда двигало, но удержаться я не смог или не пожелал. Я накинулся на труп животного, и мы оба наелись до сыта. Сразу же пришло ощущение силы. В помещении оказалась еще одна лошадь, но живая. Она фырчала и бешено вдыхала опасность своими ноздрями.

Мы не стали трогать живое животное и покинули загон.

Из дома, где был еще жив не тронутый нами хворающий, снова раздался крик. Мой друг поспешил на звуки.

Следом влетевши в уже знакомую комнату, я увидел нечто, повергнувшее меня в ступор: двое мужчин на вид, сродни нашего, глодали руки несчастного.

Мой друг отшвырнул нападавших и разом повыкидывал их из окон. Я выглянул наружу проследить за преступниками. Те двое, изрядно порезавшись стеклом, как ни в чем не бывало, поднялись и поковыляли прочь.

Мой товарищ стоял и смотрел на умирающего. Когда тот наконец, испустил свой дух, мой друг, не спеша подошел к нему, вцепился руками в его голову, жадно раскрыл свою пасть и замер, словно засомневался в правильности своего выбора. Через несколько секунд он недоброво отшвырнул от себя мертвое тело и с обреченным видом пошел к выходу...

Мы снова долго брели по проселочной дороге. У меня вернулась головная боль, озноб и силы покидали меня. Мой друг тоже замедлился, видимо, он ощущал что-то похожее.

Через несколько часов мы дошли до новой деревушки. Один из домов догорал, а из соседнего доносился вопль. Мы заторопились на звуки, но быстро передвигаться не получалось. Наконец, войдя в дом, мы поняли, что опоздали.

Выброшенные из окна моим товарищем доходяги, в компании каких-то новых похожих на нас людей, терзали несчастную женщину. Мой друг хотел их разбросать по сторонам, но ввиду мышечной слабости по причине голода, его сил хватило только на одного. Тот остервенело огрызнулся и снова припал грызть конечности потерявшего сознание человека. Он рвал мясо и торопливо его жевал, словно пугливый зверек, жадничая своей добычей. Другой бросился к шее жертвы и разом перегрыз ей жилы.

Несчастливая скончалась очень быстро. Мне на секунду показалось, что он это сделал специально, дабы положить конец ее мучениям. Видимо, его тоже не особо радовали страдания. Но после этого он с таким же вожделием последовал примеру других, позволив себе насыщаться любимым блюдом.

Запах нас одурманивал до того, что горло сводило от желания вкусить этот деликатес. Но мой друг, постояв с полминуты, кинулся прочь из дома, будто боялся, что сорвется, а я последовал за ним.

На крыльце он снова пропал, и я решил подождать. На этот раз мой приятель вылез из подвала дома.

Каким-то чудесным образом в его руках оказалась крыса. Он решительно откусил ей голову и протянул дохлое тельце грызуна мне. Я с вожделием впился зубами в мягкое и ароматное мясо зверька. Теплая кровь обожгла мой рот, и я глотал ее, словно живительный эликсир. Силы возвращались ко мне. На сегодня крыса была единственной нашей провизией, поэтому мне пришлось остановиться и вернуть остатки моему другу, который все это время пиялился на меня, предвкушая, когда же жертва вернется к нему. В его руках крыса буквально исчезла...

Наша жизнь превратилась в сплошную череду бродяжничества, посещение брошенных домов, ловлю грызунов и птиц. Живых мы больше не встречали. Каждый раз, когда мы входили в дом, то находили только их останки. Видимо, другие, подобные нам шли задолго впереди нас. После себя они оставляли только кости... много костей.

Мой друг, как и я с печалью в глазах смотрел на обглоданные костяшки.

Я часто размышлял, мысленно собирая воедино попадавшие мне по пути останки, какой же бедолага стал очередной жертвой этих ненасытных пожирателей человеческой плоти. С другой стороны, я понимал, что подобные нам ощущали, вкушая теплую человеческую плоть, и насколько бодры они становились после.

Мы же питались только полуразложившейся плотью умерших животных или охотились на крыс.

Напал бы я сейчас на живого человека, когда голод становился все мучительнее, было трудно сказать. Но я совершенно точно все еще испытывал жалость к тем, кто не стал похожими на нас и сохранил человеческий образ. Думаю, я бы не смог убить! И также, как прежде я не смог бы спокойно смотреть на убийства. Возможно, со стороны было странно наблюдать, как одни монстры накидывались на человека и с вожделием впивались в его тело зубами, а двое других яростно откидывали их в сторону, спасая то, что еще осталось от живого существа.

На первых порах мне было страшно осознавать, что я перестал быть тем, кем был до этих пор. Я пытался ухватиться за любую мысль, которая бы соотнесла меня еще с миром живых людей и оправдала бы такое странное превращение в тех, кем мы являлись, но мне пришлось принять тот факт, что отныне ничего общего с человеком я не имел.

Кем я был и почему таким стал, никто не мог дать на это ответов. Да и имейся они, мысленная работа давалась уже мне с огромным трудом, но в одном я был убежден – убивать людей я не мог!

Мой друг тоже имел достаточно благородства, чтобы противостоять мощному соблазну утолить жажду посредством насилия и убийства живых, а потому мы старались довольствоваться, чем бог пошлет.

Мы почти никогда не общались, потому что у нас на это не было сил. Все время мы брели по дороге в поисках еды. Только это и занимало нас.

Оглядываясь назад, на город, в котором я вырос и прожил большую часть моей жизни, я не тосковал по нему. Видимо, потому, что все мои чувства приутихли под силой и напором лишь одного – жажды плоти.

По ходу мы много раз встречали подобных нам, но никогда не примыкали к их группе. Все они казались нам обезумевшими, превратившимися в безмозглых живых мертвецов. Возможно внешне мы от них не отличались, но жили мы по иным законам.

Глава 2

Был поздний вечер. Я определил это по густой темноте, надвигающейся на поля. Вдалеке мы увидели огонь. Оказалось, что горела деревня. Мы брели на свет, еще не понимая, что это была ловушка. Наконец, выяснилось, что тех, кто опережал нас на несколько дней пути, уцелевшие люди из деревни сжигали. Мы притаились за амбаром, с опаской наблюдая за действием. Как деревенским удалось собрать такую толпу наших собратьев, понять мне было сложно. Люди неистовствовали, кричали и даже кое-кто из них смеялся, глядя на картину двигающихся существ, охваченных огнем. Один из людей залез на лестницу у столба и закричал: – Да здравствует смерть!

А потом он разразился хохотом. Никогда прежде я не слышал ничего более зловещего.

Когда догорели все подобные нам, мы хотели выйти из укрытия и покинуть деревню, но в этот момент один из деревенских стянул засов с амбара и оттуда повалила еще целая толпа, полностью выглядевших как мы с товарищем. Люди с еще большим рвением поджигали своих пленников и выкрикивали в их адрес грязные оскорбления. Среди толпы несчастных я заметил совсем маленького. В отличии от равнодушных окружавших его полуразложившихся моих собратьев, ребенок был испуган. Я не удержался и кинулся к нему, чтобы перехватить его и спасти. Но мне не удалось это сделать. На своей шее я почувствовал удавку, затянувшуюся в узел. Меня поймали, как дикое животное для зоопарка и повели в какое-то укрытие. Я тщетно пытался ухватить малыша, но меня слишком сильно дернули за удавку, и ребенок выскользнул из моих, если можно было так назвать судя по разложению, рук.

Как велика же была моя печаль, когда в том темном помещении, в которое меня втолкнули, я обнаружил и своего друга. Он был привязан к столбу и, высоко задрав голову, как горделивый индеец, стоял с вызовом в глазах, разглядывая собравшуюся вокруг нас публику

из живых людей. Меня привязали рядом. На секунду показалось, будто это не мы, а они были сворой монстров. Так они нас называли.

Мы с другом не пытались ни на кого напасть, укусить и вели себя довольно спокойно. Но люди не унимались. Они совали нам факел с огнем в лицо, тыкали в нас кольями и плевались. В этот момент мне было жаль, что я не мог произнести ни слова. Я бы попробовал им все объяснить, что мы не нападаем на людей, что мы другие и я очень старался расшевелить свой язык. Но вдруг кто-то из толпы выстрелил в грудь моему другу и громко засмеялся. Я узнал этот зловещий смех. Тогда я запротестовал и попытался высвободиться от пут. Но я был очень крепко связан.

Мой друг все так же горделиво смотрел на собравшихся, особенно на того, чья рука отправила ему пулю. Из его раны сочилась темная жидкость. Мне захотелось сообщить ему, как мне было жаль обо всем происходящем с нами, но я не смог произнести ни слова. Мои губы меня не слушались.

Другой из толпы подошел ко мне ближе и воткнул копьё мне в глаз, а затем вынул его. Когда я увидел свой глаз на конце острия, я сначала не поверил в происходящее. Я не испытал особой боли от этого акта, но видеть такое было колоссальным для меня психологическим потрясением. За каким чертом было это делать?! Ведь они могли нас так же поджечь, как и всех остальных, да и дело с концом!

Но для нас только все начиналось. Каждый в толпе считал своим долгом выразить к нам свою неприязнь. Они кололи нас, обжигали кипятком, выпотрошили все внутренности из животов, внимательно изучая нашу реакцию. Мне было жутко видеть свою двенадцатиперстную кишку вместе с тонким кишечником на полу. Это заставило меня содрогнуться, а толпа лишь только потешалась над нами. Почему-то все это им казалось необычайно веселым. Их лица горели от ярости, а в глазах блистало торжество.

С моим другом они поступили еще ужаснее. Они вскрыли ему черепушку и тыкали кольями в открытый мозг, пусть уже и не такой активный, как ранее. По всему виду моего товарища я с ужасом понял, что он испытывал боль. Он не кричал, не стонал, но его глаза увлажнились, будто он собирался заплакать. Мне захотелось закричать на этих людей, воззвать к их состраданию, но у меня не получалось. Язык мой не хотел шевелиться и из звуков не складывались слова.

Да, подобные нам монстры убивали людей, поедая плоть живых – это было чудовищно! Но они не соображали, что творили, сродни животным. А вот акт такой зверской расправы над нами вместо обычного умерщвления, не имел никаких объяснений, за исключением одного – жажды крови.

Тот факт, что мы с моим другом сильно отличались от других монстров, не особо заботил этих людей. Все мы для них были одинаковы. От части я понимал их – мы были уродами, чудовищами, которые должны были исчезнуть с лица земли, но так уничтожили бы нас разом!

Когда мое тело, наконец то, облили керосином и подожгли, меня посетила последняя мысль. Это был вопрос, на который я никак не мог найти ответ: Чем жажда крови живых отличалась от нашей?

Да, оглядываясь на прошлые события, я понял, что был живее многих живущих.

Пластиковые человечки

С этой городской поликлиники, ничем не отличавшейся от сотни других подобных заведений, все и началось...

Меня направили на электрокардиограмму. Надо сказать, что по вине программы оптимизации здравоохранения, учиненной мэром города с непомерной заботой о здоровье населения, в корпусах поликлиники вокруг организации приема пациентов возникла такая неразбериха, которая даже для самих сотрудников учреждения казалась неразрешимой.

Вот в тот самый неясный день унылый коридор поликлиники наполнился очередями пациентов. И пока я выясняла, который из кабинетов мне нужен для прохождения диагностики, произошло нечто странное и я в недоумении и безмолвии замерла на месте – две минуты моего отсутствия, (а я зашла всего то в один из кабинетов и почти сразу же вышла) в тесном кулуаре изменили все.

Коридор поликлиники с плотным потоком людей вдруг полностью опустел. Народ испарился, словно никогда здесь и не бывал, а передо мной сразу же возник вопрос, каким задался бы каждый, оказавшись он в подобной ситуации: куда все делись? На минуту мне почудилось, что, сама того не зная, стала участницей престранного флешмоба. А ежели это не было специально задуманным шоу, то как бы такое могло приключиться, что в одночасье все пациенты вдруг исчезли? Постояв в задумчивости с полминуты, я решила продолжить свой путь в нужный кабинет, ведь кардиограмма сама по себе не делается.

Но с пути к заветной цели меня сбили престранные и даже жуткие крики и стоны. От неожиданности я непроизвольно пригнулась, коленки предательски согнулись, а по коже пробежал холодок. Пугливым зверьком я быстро осмотрелась по сторонам, но вокруг – никого. Меж тем душераздирающие вопли повторились снова, и я тогда с точностью смогла определить, откуда они исходили – диагностический корпус.

Чтобы прояснить ситуацию, я набралась смелости и решительно двинулась навстречу дьявольским визгам, вою и стонам. Дойдя до поворота, в целях своей безопасности, сначала я, вытянув шею, выглянула из-за угла, чтобы оценить уровень угрозы. Но то, что я там увидела, не поддавалось никакому логическому осмыслению...

Там, за стеклянными дверями корпуса происходило нечто неопишимо страшное: некто в костюмах химзащиты силой хватали людей, совсем недавно стоявших за кардиограммой, и безжалостно всаживали им с какой-то жидкостью шприцы в руки, ноги, словом, куда приходилось. Крики, погромы, плач...

Картина была мягко выразиться шокирующей, и я хотела было кинуться на помощь: разблокировать двери или разбить стекла, чтобы дать людям возможность бежать, но приближение двух оранжевых костюмов в моем направлении заставило меня передумать.

Во весь дух унося ноги прочь от этого зловещего диагностического корпуса, я замедлила шаг у очередного бокса со стеклянными дверями в надежде увидеть иную картину, но не тут-то было – жуткие костюмы орудовали повсюду. И в этот момент прямо на моих глазах одному мужчине, оказавшему мощное сопротивление, эти чудовища всадили шприц прямо в глаз. Дикая иступленная вопль, вырвавшийся из его горла, разорвал мое сердце, иссушил мою душу, удушье и паника невидимой хваткой сковали мои легкие и я принялась жадно хватать воздух ртом. Сознание отказывалось верить в реальность происходящего, но инстинкт самосохранения вынуждал действовать, а в данном случае я могла только бежать.

Бежать наружу и искать помощь. Но как пройти не замеченной, когда здание было оккупировано: так как я находилась на третьем этаже и мой спуск по лестнице с малой вероятностью смог бы обеспечить мне незаметное продвижение между этажами, я не стала испытывать судьбу. Решив прибегнуть к более безопасному способу, а именно спуску на элеваторе, я устре-

милась к секции с лифтами, мысленно себя настроив, что, если внезапно картина изменится, то буду действовать по ситуации. До лифта я так и не добралась.

Услышав в отдалении чьи-то шаги, я мигом шмыгнула в располагавшийся поблизости медицинский кабинет и заперла за собой дверь.

Внутри никого не было и, мечась в поисках укрытия, как загнанный охотничьими собаками зверь, единственное, что пришло мне в голову – спрятаться среди больших мешков сухого мусора, небрежно сложенных в гору у стены. Вытряхнув их содержимое в кучу, я зарылась в мусоре, словно в горе белья и затаилась, цепенея от страха.

Почти сразу же зашумел дверной замок, хотя я предусмотрительно его защелкнула, и в помещение вошли. Через маленькую щель, образовавшуюся в моей мусорной горе, я смогла наблюдать за этими гадами в химкостюмах, которые в этой же самой комнате со мной неожиданно для меня обнаружили еще одного человека, притаившегося за дверью. «Как же я его не заметила?!»

Неизъяснимый ужас, что обнаруженный выдаст меня, парализовал все мое существо. Но внезапно этот человек потерял сознание, и я выдохнула, хотя мои чувства и были переполнены сожалением к его участи. Если бы при мне было хоть какое-то оружие, возможно, я бы дерзнула его применить и попытаться удачу спасти эту несчастную душу, но рассчитывать на победу в затее голыми руками расправиться с двумя здоровяками с моей стороны было бы чистейшим безумием.

Меня начало потряхивать от страха. Кровь стыла в моих жилах, пульс отбивал барабанный ритм. Что же происходило на самом деле в этой жуткой поликлинике я не могла понять. Без всяких объяснений эти твари схватили людей, накололи чем-то скверным и отправились за другими. Какое вещество содержалось в этих инъекциях, применяемых на людях, трудно было предположить, но я однозначно была убеждена в их недобром замысле.

Я не помню, сколько просидела в своем мусорном укрытии, но потому, что за окном смеркалось, а теперь снова рассвело, я поняла, что наступил следующий день. От сидения на одном месте без движения тело все затекло, а я и впрямь почти не шелохнулась.

Настало время размяться. Я прислушалась – тишина. Немного освободившись от мусора, я снова замерла, словно мышка, показавшая из своей норки носик наружу и пробуя пространство на безопасность – странная тишина... Поднимаясь с пола на ноги, я едва успела закрыть рот рукой, чтобы не вскрикнуть от боли, принесенной мне ночью в укрытии. Тысячи иголок впились в ступни моих ног и множились по всему телу от почти суточной неподвижности. Героически молчаливо приходя в себя, я, еще похрамывая, подкралась к двери и снова прислушалась – пугающая тишина влилась в мои уши.

Что ждало меня за дверью, представить было невозможно. Мое бурное воображение, щадя мои нервы, на этот раз избегало рисовать мне дьявольские картины. Обуреваемая тревогой, почти лихорадочной дрожью в руках от переполнявшего меня ледяного кошмара, я медленно отворила дверь и выглянула вовне, к своему удивлению не обнаружив для себя ничего нового или ужасающего – коридор все также пустовал.

В самом его конце светлым порталом в мир, куда я так вожелела вернуться, красовалось окно и дразнило меня, испытывая силу моей любознательности – вот если бы выглянуть из него на улицу, чтобы получить более полную информацию о масштабах произошедшего, но до него от меня было не меньше 200 сот метров. Разумнее было бы пробираться к лифтам, а не углубляться в корпуса, но слишком уж путь до ближайшего элеватора был извилист. К тому же, возможно вовсе не свобода ожидала меня в том мире, в который я так самозабвенно стремилась, а подлая черная смерть от рук этих мерзавцев в оранжевых костюмах. Выходило, что без разведки мне было не обойтись.

Вызывающе яркий почти ослепительный свет, проникая в мою радужку, бросал мне вызов. Я набралась смелости, выдохнула, стряхнула напряжение с вспотевших ладоней, как

если бы спортсмен готовился к старту и, смело сделала шаг вперед. Затем еще шаг и вот я уже неслась по длинному сумрачному коридору навстречу светлому пятну, лихорадочно осматриваясь по сторонам. К счастью, все кабинеты были заперты и на скорости многочисленные двери в моих глазах слились в один тоннель. В этот момент для меня существовало лишь окно: светлое, большое, оно манило... еще 10 метров и моя цель достигнута... 5 метров. Но вдруг грянул шум! Как стоп-кран локомотива стопорит движение поезда, так и я, вращая ногами в пол, замерла на месте.

Звуки доносились из холла справа, плавно переходящего в мой коридор с окном и с каждой секундой становились отчетливее. Теперь, когда все остальные источники шума утихли, остался единственный – очевидный и самый для меня нежелательный – звук чьих-то ботинок, отдающихся эхом по глянцевому полу поликлиники.

Резко развернувшись на 180, я наметила удобный карман в коридоре для своего тайного укрытия. Костюм химзащиты уже вырисовывался на горизонте, когда я завернула за угол. Озабоченный осмотром кабинетов, останавливаясь и отпирая их, меня он, разумеется, заметить не мог.

Тем временем я прикинула к стене, лихорадочно соображая, что делать дальше. Путь назад мне был отрезан, потому как далее по коридору располагался тот самый зловещий кабинет с мусором, от которого разумнее всего было держаться подальше, чтобы не загнать себя в ловушку, а слева обустроились еще одни боксы со стеклянными дверями, но там вряд ли мне стоило искать убежище.

Оставался единственный выход —сразиться с одиноким врагом, когда расстояние между нами сократится. И я решилась. Выждав время и вылетев из-за угла злобной гарпией, я набросилась на ничего неожиданного объекта и, одним движением руки сорвав с него маску химзащиты, зубами вцепилась в горло. Он умер быстро, в конвульсиях, даже не успев вскрикнуть, а меня сильно стошнило.

Спешно стаскивая с него костюм, я очень торопилась поскорее его надеть, ведь такой камуфляж очень кстати мог бы подарить мне хорошую возможность покинуть поликлинику незамеченной, если бы у меня оказалось достаточно времени для облачения в него. Еще трое, появившихся из кабинета неподалеку, спутали мои стихийные и уже, казалось бы, близкие к победе планы. Бросив все, как есть, я пулей метнулась вперед по тому пути, по которому появилась жертва моей смертоносной атаки. Что бы меня ни ждало на этом внезапно выбранном мною маршруте, сдаваться без боя я не собиралась. Я пронеслась мимо того злополучного бокса и без каких-либо преград направилась в параллельный отсек. Вывернув на прямую, я уперлась в металлическую дверь: она оказалась незапертой, и я решительно ее распахнула. В ту секунду я и не предполагала, что это станет моей роковой ошибкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.